СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

АДА ГРЕХОВЦЕВА

ДРУГ ОТЦА

ТЫ МНЕ ПРИНАДЛЕЖИШЬ

Ада Греховцева

Друг отца. Ты мне принадлежишь

«Автор»
2026

Греховцева А.

Друг отца. Ты мне принадлежишь / А. Греховцева — «Автор», 2026

Он спас меня. Но я не просила об этом. И уж точно не собиралась становиться его должницей.Он не из тех, кто совершает добрые поступки просто так.
Он привык получать своё и не оставлять долгов. Теперь он считает, что я принадлежу ему. А единственное, чем я могу расплатиться, — это собой.Я думала, что после спасения самое страшное осталось позади. Но, кажется, Всё только начинается.

© Греховцева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Юлия 6
Глава 2 Юлия 9
Глава 3 Юлия 12
Глава 4 Юлия 15
Глава 5 Юлия 18
Глава 6 Юлия 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Ада Греховцева
Друг отца. Ты мне принадлежишь

Глава 1 Юлия

— Юлька, куда собралась? — из комнаты показывается уже заметно подвыпившая мама. Глаза у неё мутные, но в них по-прежнему проскальзывает стальная строгость, знакомая с детства.

— Меня Наташа позвала в клуб, — отвечаю честно, хотя заранее знаю, чем закончится разговор.

— Я тебя не отпускаю. — Мамин голос дрожит, но в нём всё ещё слышится командный тон. — Она ноги раздвигает перед каждым встречным. Ты у меня должна найти хорошего мужика, беречь себя для него!

— Я всего лишь хочу потанцевать. Вернусь не сильно поздно.

— Никуда ты не пойдёшь, я сказала! — мама, покачиваясь, проходит мимо и загораживает собой дверь. Запах вина тянется от неё тёплой волной, обволакивает, и мне становится тяжело дышать.

— Когда ты возьмёшь себя в руки и перестанешь выпивать? — срываюсь. Слова звучат жёстче, чем я планировала.

— У меня горе, ты прекрасно знаешь, — её губы кривятся, взгляд падает куда-то в пол. Она сникает, словно вся сила, ещё секунду назад державшая её на ногах, испарилась.

— Прошло полтора года. Пора взять себя в руки. А пока мне не хочется смотреть, как ты снова напиваешься. Даже если делаешь это «культурно» и одна. Пропусти.

— Много ты понимаешь! — мама кричит, голос ломается. — Вот когда потеряешь мужа, как я…

Я не выдерживаю. Отодвигаю её в сторону и выскальзываю за дверь, чувствуя на себе её взгляд — тяжёлый, обиженный. На секунду хочется вернуться, обнять её, сказать что-нибудь примирительное… но ноги сами несут прочь.

Наташа наверняка уже ждёт у клуба, а я задерживаюсь. Одёргиваю короткое платье, которое она мне одолжила, и ловлю в отражении витрины своё нервное лицо. Щёки раскраснелись, руки слегка дрожат. Хочется вздохнуть полной грудью, скинуть с плеч груз маминого горя, который она так щедро перекладывает на меня.

Прыгаю в подошедший троллейбус. Металлический скрежет дверей, мерное качание салона и чужие равнодушные лица помогают собраться. Спустя полчаса я уже бегу по вечерним улицам, ощущая, как холодный воздух освежает кожу.

— Привет, Натусь, не замёрзла? — целую её в щёку, и привычное тепло её улыбки немного успокаивает.

— Самую малость. Пойдём внутрь.

Охранники узнают нас сразу, кивок — и мы уже внутри. Гул музыки бьёт в уши, стробоскопы резанут глаза белыми вспышками, и всё вокруг превращается в хаотичный калейдоскоп: смех, крики, запах алкоголя, перегретого воздуха и чужих духов.

Наташа уверенно ведёт меня к бару, пробираясь сквозь толпу.

— Два мохито, один безалкогольный, — говорит она бармену.

Я отворачиваюсь и вдруг встречаюсь взглядом с мужчиной. Он стоит чуть в стороне, прислонившись к стене, словно не принадлежит этой суете. Его глаза — тёмные, тяжёлые. В них нет обычной клубной хищности или пьяного веселья, только пристальное внимание. Он смотрит так, будто видит меня насквозь.

Я замираю. Обычно такие взгляды вызывают у меня раздражение, отвращение, желание отвернуться. Но сейчас по спине пробегают горячие мурашки. Чужой интерес словно материализуется в воздухе, становится осязаемым.

Я торопливо наклоняюсь к Наташе, чувствуя, что щеки предательски горят.

— Пойдём на танцпол?

— Коктейли почти готовы. Дождёмся?

— Я вернусь минут через пять.

— Ты чего такая взбудораженная? — она косится на меня с удивлением.

— Не знаю… чувствую себя неуютно. Пойду потанцую.

Не дожидаясь реакции подруги, я выскальзываю в толпу и медленно пробираюсь к танцполу. Музыка бьёт в грудь тяжёлыми ударами баса, свет дробится на ослепительные всполохи, и каждый шаг будто отдаётся в теле вибрацией. Людей уже много, тела двигаются близко друг к другу, сливаются в единый пульс.

Я не лезу в самую гущу. Останавливаюсь у края и поднимаю руки вверх, прикрываю глаза. Двигаюсь плавно, чувственно, покачиваю бёдрами в ритм, позволяя себе немного свободы, но не до конца. Всегда держу внутри невидимую границу, ту самую, которая не даёт мне раствориться полностью. Опыт давно научил: слишком откровенные движения привлекают ненужное внимание. И каждый раз я готова охранять своё право танцевать для себя, а не для кого-то.

Но сегодня вокруг странное спокойствие. Никто не пытается ухватить за руку, приблизиться или втиснуться рядом. И всё же я чувствую чужое присутствие, будто взгляд прожигает спину. Это ощущение липкое, навязчивое, и с каждой секундой оно становится всё тяжелее.

Я стараюсь отмахнуться, заставляю себя двигаться в ритм, но дыхание сбивается, мышцы напрягаются. В конце концов, не выдержав, я резко разворачиваюсь к барной стойке и открываю глаза. И — снова он.

Тот мужчина. Стоит там же, у стены. Его фигура выделяется даже в полумраке: мощные плечи, узкие бёдра, рост — выше всех вокруг, будто он создан, чтобы возвышаться над толпой. Люди мельтешат рядом, но они словно прозрачные для него. Его взгляд снова прикован только ко мне.

По коже бегут мурашки, и не из приятных. Это уже похоже на сталкерство. Я ведь ни словом, ни жестом не дала понять, что заинтересована.

Нужно срочно, чтобы он переключился. Я спрыгиваю с танцпола, пробираюсь сквозь толпу обратно к Наташе и наклоняюсь к ней.

— Слушай, видишь того мужчину у стены? Высокого.

— Ага, — кивает она, скользнув взглядом. — Давно тут стоит.

— Тебе не кажется, он странный? — шепчу, стараясь не показывать волнения.

— Неа. Просто ищет девушку на вечер. — Наташа пожимает плечами и хитро улыбается. — Кстати, симпатичный.

— Он слишком взрослый, — морщу нос, чувствуя, как внутри растёт тревога.

— Так это же плюс! Значит, опытный. Юль, ты отстала от трендов. Что тебе может дать тот же Петров? Ноль. А такой мужик — всё.

Я закатываю глаза.

— Ладно, рассматривай тогда его сама. Я — в туалет.

Я спрыгиваю со стула и направляюсь в тёмный длинный коридор. Музыка досюда почти не доносится. В конце коридора мерцает подсвеченная арка — единственный ориентир, ведущий к туалетам.

Делаю несколько шагов, и пространство будто сжимается. Людей меньше, шум гаснет, становится слишком тихо. Я ускоряюсь, но на полпути слышу за спиной тяжёлые шаги. Медленные, размеренные. Сначала не придаю значения — здесь постоянно кто-то ходит. Но звук не исчезает, наоборот, нарастает.

И вдруг они догоняют меня. Широкая мужская ладонь неожиданно ложится на мой локоть. Сердце подпрыгивает к горлу. Я даже не успеваю вскрикнуть — дыхание перехватывает. Мужчина рывком распахивает боковую дверь, которую я раньше не заметила, и буквально вталкивает меня внутрь.

Я спотыкаюсь, ударяюсь плечом о дверной косяк, и всё вокруг меняется.

Мы оказываемся в небольшом кабинете: чужой запах табака, дорогого парфюма и пыли смешивается в одном тяжёлом облаке. Мужчина щёлкает выключателем, и лампа над столом вспыхивает слишком ярко. Свет обжигает глаза, заставляя зажмуриться на секунду.

— Вы кто такой? — голос у меня дрожит, но я стараюсь держаться. — По какому праву вы меня сюда притащили?

Он стоит напротив, высокий, напряжённый, и смотрит на меня так, будто сам не понимает, что делает. На лице — неподдельное удивление, искреннее и сбивающее меня с толку.

Я замолкаю, не зная, чего ждать. Все мысли путаются, адреналин шумит в ушах.

— Ты Дружинина? Юля?

Глава 2 Юлия

— Да, — внимательно смотрю на него, совершенно не понимая, откуда он может знать меня.

— Изменилась сильно, — Роман медленно скользит взглядом по моему лицу. — Но всё равно на отца похожа.

Его глаза задерживаются на моих губах, и от этого внутри всё сжимается. Неужели именно они — та часть, которая напоминает ему папу? Мысль кажется абсурдной, но избавиться от неё я не могу.

— Вы его знали?

— Можно на «ты», воробушек. — Его губы трогает еле заметная усмешка. — Меня зовут Рома.

— Это как-то слишком. Я вас не знаю, — я машинально делаю шаг назад, но он не двигается, только наблюдает, будто оценивает мою реакцию.

— Мы с твоим отцом когда-то вместе работали, — произносит он спокойно, почти буднично. — Как он?

Я стискиваю пальцы в кулак, с трудом сдерживая дрожь.

— Он погиб. Полтора года назад.

Тень пробегает по его лицу, черты на миг каменеют, но он быстро собирается, словно прячет всё лишнее под маской.

— Соболезную, — коротко кивает.

В воздухе повисает густая тишина. Я почти слышу, как громко дышу, и мне кажется, что он это тоже замечает. Всё во мне требует немедленно прекратить этот разговор.

Я дёргаюсь в сторону и пытаюсь пробраться к двери. Даже если он когда-то видел меня, какое мне до этого дело? В каждом движении, в каждом взгляде я ощущаю опасность. От таких, как он, лучше держаться подальше — как можно дальше.

— Всего хорошего, — выдыхаю и тянусь к ручке.

Но его рука оказывается там быстрее. Сильная, тяжёлая, с выступающими жилами. Она накрывает ручку двери и блокирует мою единственную возможность сбежать.

У меня моментально потеют ладони. Я делаю невольный шаг назад, и между нами становится чуть больше воздуха — но не свободы.

— Я хочу уйти, — поднимаю на него взгляд, заставляя себя встретиться с его глазами.

В его глазах полыхает обжигающий огонь — настолько яркий, что я почти физически ощущаю, как он перекидывается на меня, окутывает изнутри, пробирается под кожу. Щёки мгновенно вспыхивают, пылают, будто я стою под прожектором. Грудь неприятно царапает ткань футболки, вершинки предательски твердеют, и внизу живота собирается тугой горячий ком, от которого становится невыносимо жарко. Я не понимаю, что со мной происходит и почему именно на его близость тело реагирует так остро.

Да, он красивый. Даже слишком. В нём есть та самая грубая мужественность, которая притягивает. Суровые черты лица, крепкий подбородок, резкий профиль. И эта межбровная складка, едва заметная, но такая выразительная, появляется каждый раз, когда он улавливает моё намерение сбежать. Она делает его лицо ещё жёстче, придаёт ему вид человека, привыкшего приказывать и добиваться своего. Широкие плечи подчёркнуты чёрной рубашкой, ткань плотно облегает рельефные мышцы. Я готова поклясться, под ней скрываются идеальные кубики пресса.

Но всё это не имеет никакого значения. Я прекрасно помню: те, кто уходят из госструктур, подобных той, где работал папа, редко выбирают честный путь. Папа всегда повторял: «Запоминай, Юлька, у таких людей сила — их оружие. Но чаще всего они направляют её не

туда».И сейчас передо мной именно такой человек. Внутреннее чутьё кричит, что прямо за спиной Романа будто висит огромный красный транспарант с надписью “Рэд Флаг”.

Он делает шаг вперёд, и я рефлекторно отступаю назад, пока не упираюсь спиной в дверь. Дышать становится тяжело, лёгкие будто сжимаются.

— Я тебя не отпускал, Юля. — Его голос низкий, рокочущий, словно раскаты грома. Каждое слово царапает душу, пробирается вглубь и вызывает дрожь, от которой не спрятаться. — Хочу, чтобы ты провела этот вечер со мной.

— Меня ждут, — в отчаянии цепляюсь за слабую отговорку.

— Это не проблема. — Его губы трогает лёгкая усмешка. — Я предупрежу твою подругу.

— Мне нельзя надолго оставаться, — торопливо добавляю, чувствуя, как сердце готово выскочить из груди.

— Почему?

— Я обещала вернуться не поздно, — почти шепчу.

— Без проблем, — уверенно отвечает он. — Я отвезу тебя домой.

Я сжимаю зубы. Господи, какой он упёртый! Это же просто кошмар. Нужно срочно придумать, чем его отвлечь, заболтать…

— У меня парень есть! — выстреливаю в отчаянии, надеясь, что это станет барьером.

Но он только усмехается.

— Не стена, подвинется.

Его рука ложится мне на талию — большая, тяжёлая, сильная. Я моментально понимаю: если он решит, я не смогу даже шелохнуться. Вырваться не получится. Это осознание пробирает до костей. Но вместе с тем, и это самое страшное, горячие всполохи внизу живота откликаются на прикосновение, пульсируя и разгораясь сильнее.

Звонкий стук в дверь раздаётся так неожиданно, что я вздрагиваю всем телом. Мы оба одновременно отшатываемся в стороны, словно нас застукали за чем-то запретным.

Дверь распахивается, и в кабинет входит шкафообразный охранник, перекрывая собой половину дверного проёма.

— Роман Андреевич, там драка в зале.

Роман бросает на меня короткий, тяжёлый взгляд, словно припечатывает к месту.

— Посиди пока, я скоро вернусь, — произносит он с такой уверенностью, будто я и правда собираюсь остаться. Затем выходит вместе с охранником, и дверь за ними закрывается.

Я стою посреди кабинета и чувствую, как бешено колотится сердце. Посидеть и ждать? Да нужно быть безумно наивным, чтобы так поступить. У него в глазах было слишком явное намерение — взять, забрать, поиграть. На одну ночь. И выбросить. А у меня… у меня ведь даже опыта нет. Никакого. И уж точно начинать прямо сегодня, с ним, я не собираюсь.

Выхожу из ступора. Подхожу к двери, осторожно приоткрываю её и выглядываю в коридор. Пусто. Только мерцающий свет вдалеке и приглушённые удары музыки из зала. Я прислушиваюсь: никаких шагов, никаких голосов.

Я решаюсь. Выскакиваю и почти бегом двигаюсь к лестнице, каблуки гулко стучат по плитке. Кажется, что этот звук слышат все, но никого нет. На лестничной клетке холоднее, пахнет сыростью и табачным дымом. Я слетаю вниз по ступеням и выскакиваю наружу.

Свежий воздух обрушивается на лицо, и я делаю глубокий вдох. Без раздумий направляюсь к остановке, ловлю первый попавшийся троллейбус. Двери захлопываются, и я только тогда позволяю себе немного выдохнуть.

Сквозь дрожащие стекла города проплывают огни. Я лихорадочно достаю телефон и пишу Наташе короткое сообщение: «Со мной всё нормально. Уехала пораньше.» — и убираю телефон.

Тридцать минут спустя стою у своей квартиры. Ключ в руке, но, сделав шаг, я замечаю — дверь приоткрыта. В щель пробивается слабый свет. Я замираю. Мы всегда закрываем дверь.

Но если мама снова выпила, могла забыть… Это единственное объяснение, которое приходит в голову.

Я толкаю дверь. Она распахивается со скрипом, и в этот миг у меня всё тело сводит холодом.

— Мама? — голос срывается. — Мам!

Глава 3 Юлия

— Стоять! — низкий рык разрывает воздух, и я замечаю мужчину, притаившегося за маминой спиной. Его рука, огромная и грубая, сжимает её горло так плотно, что костяшки белеют.

Я застываю. Не потому, что он приказал. А потому что сам вид этой сцены парализует. Горло сжимает спазм, лёгкие будто наполнены острыми иглами, и вдох становится пыткой.

Мама хрипит, её лицо багровеет, она дёргается в его захвате, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха. Каждое её судорожное движение бьёт по моему сердцу, оставляя кровавые раны. Мне страшно даже пошевелиться, я вижу по глазам незнакомца, что он без тени сомнения свернёт ей шею, если я сделаю что-то не так.

— Кто вы? Что вам нужно? — мой голос едва слышен, сорван, а слёзы уже обжигают глаза.

— Кто я, тебе знать необязательно, куколка, — ухмыляется он, и от этого «ласкового» прозвища у меня по коже бегут мурашки. — Но если ты думаешь, что я уйду отсюда без того, что мне нужно, глубоко ошибаешься.

— Но у нас ничего нет! — слова срываются сами, прерывисто, отчаянно.

И это чистая правда. Мы живём скромно, после смерти папы еле сводим концы с концами. У нас нет ни денег, ни драгоценностей, ни техники, ради которой стоило бы рисковать тюрьмой. И я не понимаю, зачем он здесь, что ему может понадобиться у нас.

— Зря думаешь, — его голос становится тягучим, опасным. — Твой папаша был умным мужиком. И слишком умным, чтоб всё держать в одном месте. Я облазил каждый угол, и если ничего не нашёл, значит, последнее хранилище здесь. У вас.

Я сглатываю, едва удерживаясь от истерики.

— Тогда вы знаете, что папа умер. Мы с мамой никак не связаны с его работой. Пожалуйста, отпустите её, вы делаете ей больно!

— Это не боль, это стимул, — он сильнее сжимает мамину шею, и она сипло выдыхает. Его губы растягиваются в кривой ухмылке, обнажая тонкий шрам в углу рта. — Чтобы ты пошевелила своими аппетитными булками побыстрее.

Я вздрагиваю, прижимаю ладони к груди, чтобы унять дрожь.

— Хватит трещать, киса. У тебя полчаса. Дальше — пеняй на себя.

— Но… что я должна делать? — слова застревают в горле.

— Не строй из себя дуру, — его глаза сверкают холодом. — Дружинин всегда прятал компромат. Документы, флешки, диски, да хоть камень с выцарапанной надписью. Он был осторожен. У него здесь тайник, и тебе лучше знать где. Ищи.

Он делает паузу, склонив голову чуть набок, и в его лице появляется что-то хищное, животное.

— Моё терпение на исходе. А когда я злюсь… я дико хочу трахаться. — Последние слова он почти рычит, и от этого меня прошивает ледяной ужас.

Папа никогда не делился с нами тем, что происходит у него на работе. Всегда говорил одно и то же: «Так будет безопаснее для вас». Но вот результат — никакая его секретность нас не спасла. И теперь я стою перед этим монстром и понимаю: я даже не знаю, где искать. Ни малейшей догадки.

Сказать ему правду нельзя. По глазам видно — он уже на взводе, и одно неверное слово может стать последней каплей. Намёк он дал достаточно прозрачный: мама для него просто заложница.

— Хватит разговоров, пошла! Полчаса у тебя, киса, — рык обрушивается на меня, сбивая с толку и заставляя панику выйти на новый уровень. Он сильнее сжимает мамину шею, и в

её глазах на мгновение появляется ужас пустоты — она перестаёт дышать совсем. Я невольно вскрикиваю, делаю шаг вперёд.

— Телефон! — рявкает он. — Доставай и бросай ко мне.

И только сейчас меня пронзает осознание: я ведь могла набрать полицию… Я держала его в руке в троллейбусе, писала Наташе. Могла. Но теперь поздно.

Дрожащими пальцами вытаскиваю мобильный из сумки и кидаю под его тяжёлые ботинки. Металлический глухой звук отзывается в груди. Всё. Связь с внешним миром оборвана.

— Умница, — он скалится, и это слово звучит как издёвка.

Я осторожно отступаю назад, каждый шаг отдаётся в коленях дрожью. Спиной упираюсь в дверной косяк, разворачиваюсь и почти неслышно выскальзываю в коридор.

Где мне искать то, что ему нужно?

Я понятия не имею. В голове сумбур: тумбочки, ящики, шкафы, папины старые книги… Может, документы, может, флешка, может, вообще какой-то код, спрятанный на видном месте. А может, это просто блеф, и никакого тайника здесь нет.

А время уходит. Каждая секунда, которую я трачу на бессмысленные мысли, отнимает у мамы кислород.

Я захлопываю за собой дверь в мамину спальню и на мгновение прислоняюсь к ней лбом. Дышать тяжело, грудь будто стянута железным обручем. В голове звенит один и тот же вопрос: где? где? где?

Я бросаюсь к комоду, открываю верхний ящик, вытряхиваю всё на кровать: бельё, старые чеки, какие-то квитанции — ничего. Второй, третий — пусто. В шкафу тоже только одежда. Слёзы подступают к глазам, руки трясутся. Времени нет, а я как идиотка просто перерываю наш дом.

И тут память подсовывает картинку: папа сидит на кухне с кружкой чая, улыбается и говорит мне: «Запоминай, Юлька, самое надёжное место — то, куда никто и не подумает заглянуть». Тогда я смеялась и крутила пальцем у виска. А он только загадочно усмехнулся.

Сердце начинает колотиться ещё сильнее. Я врываюсь на кухню и останавливаюсь посередине. Куда никто не подумает заглянуть? Под плиту? В холодильник? За кафель?

Открываю морозильник — ледяной воздух обжигает руки. Мороженое, овощи, мясо в пакетах. Но вдруг под поддоном… Нет, пусто.

Я лихорадочно оглядываю стены, тянусь к полке с банками — соленья, варенье. В одной банке вместо компота странный мутный осадок. Я хватаю её, ставлю на стол. Крышка замотана изолентой. Срываю ногтями — и слышу, как стекло глухо звякает о что-то твёрдое внутри.

Мои пальцы дрожат, когда я достаю узкий металлический цилиндр, похожий на контейнер для документов или флешки. Он холодный, тяжёлый — и пахнет железом.

Неужели это то, что он искал?

Я сжимаю цилиндр в руках так, что костяшки белеют. *Отдать или нет?*Если я отдам — возможно, он освободит маму. Но разве такие люди отпускают свидетелей? Холод пробегает по спине. Папа доверил эту тайну не зря. Я не могу просто так предать его память.

Сердце бьётся в горле. Стиснув зубы, я запихиваю находку обратно в банку и быстро ставлю её на полку, туда, где она стояла. Секунда — и будто ничего не было.

В этот момент раздаётся звонок в дверь. Громкий, резкий, неуместный. Мужчина в гостиной вздрагивает, сжимает шею мамы ещё сильнее.

— Чёрт! — рявкает он. — Иди открой. Скажи, что никого не ждёте, и пусть убирается к чёртовой матери. Живо!

Я сглатываю, иду к двери, едва держась на ногах. Рука тянется к ручке, и я открываю.

На пороге стоит Роман.

Я застываю, не в силах произнести ни слова. Он видит мой испуганный взгляд, бледность кожи, и его глаза мгновенно темнеют. Одним движением он заталкивает меня обратно в квартиру, сам входит следом.

Взгляд Романа падает на маму, зажатую в руках бандита. Тот мгновенно напрягается, словно пружина. В глазах — узнавание и ненависть.

— Вышел. Немедленно, — голос Романа звучит низко и хищно. — Пока я добрый.

— Да ты кто такой, чтоб мне указывать? — мужик сильнее сжимает шею мамы, прикрываясь ею как щитом. — Думаешь, если на тебя работают слухи, я струхну?

Роман делает шаг вперёд.

— Отпусти женщину. Последний раз повторяю.

— Или что? — ухмыляется тот, хотя по дрожи в его руке ясно: страх уже грызёт изнутри.

В следующее мгновение всё происходит слишком быстро: Роман, как будто зверь, бросается к нему, вырывает маму из его хватки и, пока бандит теряется, врезает кулаком прямо в челюсть. Раздаётся громкий хруст. Мужчину разворачивает, он врезается в стену, едва удерживаясь на ногах.

— Я сказал: вышел, — спокойно, но ледяным тоном повторяет Роман, шаг за шагом прижимая его к двери. — Или я сам помогу.

— Тебе конец, понял? — шипит тот, вытирая кровь с губ. — Зря ты встал у меня на пути.

— Попробуй, — бросает Роман с такой уверенностью, что даже мне становится страшно.

Бандит всё же пятится к двери, но уходя, наклоняется ко мне так близко, что я чувствую запах железа от его крови.

— Ещё раз попадёшься — живой не уйдёшь.

И только тогда вылетает за дверь, хлопнув так, что стёкла дрогнули.

Я бросаюсь к маме, хватая её за плечи. Она тяжело дышит, всхлипывает, и я тоже не могу сдержать слёз. Мы обе дрожим, словно земля под ногами рушится, и вцепляемся друг в друга так, будто одно наше прикосновение способно защитить от всего мира.

— Всё хорошо, мам, всё уже закончилось, — шепчу, хотя сама не верю своим словам.

— Юля, выйдем, — голос Романа звучит твёрдо, без права на возражения.

Я не хочу отпускать маму, но встречаюсь с его взглядом и понимаю — спорить бесполезно. Осторожно разжимаю руки, поднимаюсь и выхожу на кухню.

Через минуту он появляется в дверях, спокойный, словно только что не разметал в клочья здоровенного мужика. Садится напротив меня.

— Ты спас меня, но я не просила… — мой голос едва слышен, но я обязана это сказать.

— Спас, — перебивает Роман. Его взгляд тяжёлый, холодный, и от него по коже бегут мурашки. — А теперь ты моя. Долги не прощаются.

Я прижимаю руки к груди, стараясь не показать, как сильно трясусь.

— Чем… я могу расплатиться?

Он усмехается, медленно поднимается со стула и подходит ближе. Широкие плечи заслоняют свет.

— У тебя нет ничего ценнее самой себя. И я беру то, что принадлежит мне по праву.

Глава 4 Юлия

Он же это несерьёзно? Так не бывает в жизни. Какое право? У нас не средневековье, чтобы распоряжаться людьми, как вещами.

— Я не продаюсь, — выдавливаю сквозь сжатое горло.

— И я не покупаю, — отвечает Роман спокойно, слишком спокойно, словно в этой беседе всё решено заранее.

В его глазах вспыхивает странное пламя, обжигающее, требовательное, и я прекрасно понимаю, о чём он сейчас думает. И хотя его близость заставляет живот болезненно и вместе с тем волнующе запульсировать, словно внутри завёлся огонь, всё происходящее кажется неправильным, чуждым.

— Тогда зачем? — выдыхаю, надеясь услышать хоть какой-то разумный ответ.

— Позже узнаешь обязательно, — в его голосе нет сомнений. — А пока проверь, всё ли хорошо с мамой. Если ей нужна помощь, отвезём сначала в больницу.

— А потом? — мне страшно услышать ответ, но я должна.

— Соберёшь вещи и поедешь ко мне.

— Но у меня учёба… и я не могу оставить маму одну, — отчаянно ищу аргументы, хоть что-то, за что можно зацепиться.

Роман прищуривается, и уголок его губ дёргается в тени усмешки.

— Я не собираюсь сажать тебя на цепь. Что ты вообразила обо мне? Что я хуже, чем тот, кто едва не убил вас обеих?

У меня нет ответа. Откровенно говоря, я вообще ничего пока не думаю, мозг отказывается работать. Я всё ещё в шоке: сначала от встречи с ним в клубе, потом от сцены дома. Пульс грохочет так, что слышу его в висках. Мне нужны хотя бы пара часов тишины, чтобы прийти в себя, но у меня их нет. Даже пяти минут нет.

Роман своей внушительной фигурой занимает слишком много пространства в нашем доме. Словно стены сузились, и воздух стал густым. Кажется, что рядом с ним я могу дышать только с его разрешения. И мысль о том, что придётся находиться с ним под одной крышей постоянно, вызывает панику.

Я что, всерьёз соглашусь на его требование? Но какие у меня варианты? Он знает, где я живу, знает, что у меня огромные проблемы, и надавить на меня ему сейчас ничего не стоит. Мама едва держится на ногах, ей нужно время, чтобы прийти в себя и восстановить нервы. А если она увидит, что и я сама на грани, сделаю только хуже.

— Роман, могу я попросить вас об одном одолжении? — слова вылетают прежде, чем я успеваю всё обдумать.

Он приподнимает бровь, явное удивление мелькает в его взгляде. Кажется, он рассчитывал, что я буду всеми силами вырываться, лишь бы избежать переезда к нему.

— Ещё об одном?

— Оно не будет вам стоить ничего, — спешу пояснить.

— Юля, — он качает головой, уголки губ дрогнули в хищной улыбке. — Всё в этой жизни чего-то стоит. Вопрос только в валюте.

От этих слов внутри пробегает неприятная дрожь, но я сглатываю и продолжаю:

— Вы же понимаете, мама сейчас на нервах… я бы не хотела беспокоить её ещё больше. Поэтому, пожалуйста, давайте скажем, что мы встречаемся? Я представлю вас как своего мужчину. Тогда мой внезапный переезд будет выглядеть… ну, совсем по-другому.

Роман на несколько секунд замирает. Его взгляд уходит в сторону, к окну, за которым в темноте виднеются редкие огоньки соседних домов. Я почти перестаю дышать, только бы не отказал…

— Хорошо, — наконец произносит он. — Сообщи матери, что уезжаешь сегодня ко мне.

— Может, дадите мне хотя бы день? — голос звучит слишком тихо, почти умоляюще.

Он резко переводит на меня взгляд. В глазах — сталь.

— Чтобы ты себя ещё больше накрутила? Нет. Едем сегодня. У тебя пять минут, чтобы проверить, как мама.

Он отодвигает стул, переворачивает его спинкой вперёд и садится верхом. Руки расслабленно ложатся на спинку, а затем он чуть отодвигает рукав, открывая циферблат явно недешёвых часов. Кончиками пальцев мерно постукивает по стеклу, словно отбивая ритм.

— Тик-так, — его голос звучит лениво, но каждая клеточка внутри сжимается от давления. — Ты ещё тут?

Я возвращаюсь к маме. Она сидит прямо на полу, прижимая руки к горлу и мелко дрожа всем телом. Лицо бледное, взгляд остекленевший. Сердце сжимается от жалости и бессилия.

— Мам, тихо, всё уже позади, — шепчу, обхватывая её за плечи и помогая подняться. Она послушно встаёт, но ноги подгибаются, и мне приходится почти тащить её к дивану.

— Сядь… вот так. Я сейчас.

На кухне я поспешно ставлю чайник, достаю из аптечки капли, которые врач прописал ещё после того что случилось с папой. Руки дрожат так, что пузырёк едва не падает на пол. Стараюсь дышать ровно, чтобы не разрыдаться сама.

Вернувшись, протягиваю ей чашку и осторожно капаю в неё успокоительное.

— Пей. Это поможет.

Она делает несколько глотков, сжимая чашку так крепко, будто та единственная опора в этом мире. Минуты тянутся мучительно медленно, но постепенно взгляд мамы проясняется. Она моргает, словно возвращаясь из далёкой тьмы.

— Юлечка… — голос срывается, она хватает меня за руку. — Кто это был? Зачем он пришёл?

— Неважно, мам, он больше не вернётся. Главное, что ты цела, слышишь? — я глажу её по ладони, не позволяя себе показать, насколько самой страшно. — Но нам нужно… кое-что изменить.

Она смотрит настороженно, и я чувствую, как внутри поднимается паника. Но выхода нет.

— Мам, я… я перееду. К Роману.

— Что? — её глаза распахиваются, в них ужас. — Нет! Юля, ты с ума сошла? Кто он вообще тебе?

Я делаю вид, что смущённо улыбаюсь, стараясь, чтобы голос звучал мягко и спокойно.

— Мам… он мой мужчина. Мы недавно вместе, просто я не говорила, чтобы не волновать тебя. А теперь так вышло, что скрывать нет смысла. Со мной он, значит, всё под контролем.

— Юля, ты не можешь… — она мотает головой, но я перебиваю её, обнимаю и прижимаю к себе, словно уговариваю маленькую девочку.

— Мамочка, всё будет хорошо. Ты же сама видела, он спас нас. С ним я в безопасности. Пожалуйста, не переживай, ладно? Это правильно.

Она смотрит на меня с болью, но я чувствую, что сопротивление уходит. В глазах остаётся лишь усталость.

— Я не знаю… я боюсь за тебя.

— А я — за тебя, — отвечаю искренне. — Но именно так мы обе будем в безопасности.

Собравшись с духом, я поднимаюсь и выхожу в кухню.

— Рома! Иди сюда.

Он появляется в дверях, высокий, мрачный, словно заслоняет собой всё пространство.

— Мам, это Роман, — я заставляю себя улыбнуться. — Мы встречаемся.

Он кивает матери и произносит низким уверенным голосом:

— Добрый вечер. С Юлей всё будет в порядке, я обещаю.

Мама лишь молча смотрит на него, но в её взгляде ясно читается — она не верит ни ему, ни мне. При этом её глаза словно цепляются за черты его лица, она рассматривает его дольше обычного, будто пытается вспомнить, где могла его видеть раньше. На секунду мне даже кажется, что она вот-вот что-то скажет, но в итоге тяжело вздыхает и бросает эту затею, опуская взгляд.

А я сжимаю её руку, делая вид, что всё идёт так, как задумано. Хотя внутри всё кричит, что я только что заперла себя в клетке.

Я успеваю собрать только самое необходимое: документы, немного одежды, телефон с зарядкой. Как раз застёгиваю молнию, когда дверь в комнату приоткрывается, и в проёме появляется Роман.

— Нам пора, — его голос твёрдый, безапелляционный. Ни намёка на то, что он готов подождать или дать мне шанс передумать.

Глава 5 Юлия

Пообещав маме позвонить по видеосвязи и показать, как я устроилась, выхожу на улицу. Вечерний воздух прохладный. Мои вещи уже аккуратно уложены в багажник. Роман стоит рядом с машиной, и, заметив меня, без слов открывает передо мной дверь.

Я замедляю шаг, каждый метр даётся с трудом. Подсознательно оттягиваю момент, когда окончательно окажусь в его власти. В груди теплится детская надежда: может, он в последний момент улыбнётся, отмахнётся и скажет, что это всё шутка, что я могу вернуться домой, к маме, к привычной жизни. Но, конечно, ничего подобного не происходит.

Собравшись с духом, я забираюсь в машину и сажусь на соседнее с водителем кресло. Салон пахнет свежестью кожи и чем-то терпким, мужским. Когда Роман садится рядом, пространство будто сжимается, становится тесно, и я инстинктивно вжимаюсь в спинку, стараясь отдалиться хотя бы на пару сантиметров.

— Долго будешь так сидеть? — его голос низкий, спокойный, но в нём чувствуется скрытая усмешка.

Я непонимающе моргаю. Сам же усадил меня сюда, чего он ещё хочет? Он не дожидается ответа, просто тянется рукой куда-то за меня, и лишь в этот момент до меня доходит, что я не пристегнулась.

— Я и сама могу… — начинаю бормотать, но запоздало.

Он наклоняется так близко, что его плечо почти касается моего. Горячее дыхание обжигает висок, и от этого у меня перехватывает горло. Господи, он так пахнет. Даже не духами, а чем-то собственным — смесью тепла, силы и чего-то ещё неуловимого. Я вдыхаю полные лёгкие и вдруг ловлю себя на эйфории, будто это наркотик, и мне хочется ещё и ещё.

Его лицо оказывается рядом. Взгляд сам падает на губы — грубоватые, чётко очерченные, такие, что им хочется верить, даже когда он говорит самые страшные слова.

— Самой надо было раньше, — его губы двигаются медленно, и я, заворожённая, ловлю каждое движение.

Он наконец откидывается на спинку, и я почти выдыхаю с облегчением, но вопрос сам срывается с моих губ:

— Какими духами вы пользуетесь?

Роман разворачивается ко мне, и его карие глаза пронзают насквозь. Взгляд тяжёлый, цепкий, будто он читает меня по буквам. Внутри всё дрожит, кровь разгоняется по венам, щеки горят. Чёрт меня дёрнул спросить об этом. Тебе что, Юль, скучно живётся?

— Я не пользуюсь духами, — его голос обволакивает, а я понимаю: теперь он точно понял, что я его нюхала.

Я в панике мечтаю о спасении: о люке, через который можно провалиться вниз, о катапульте, выстреливающей куда угодно, подальше отсюда. Даже огромные солнцезащитные очки в пол-лица подошли бы, лишь бы спрятать то, что у меня на лице написано всё сразу.

Я резко отворачиваюсь к окну, делая вид, что ужасно увлечена видами за стеклом. Трава, фонари, редкие прохожие — всё становится бесконечно важным, лишь бы не встречаться больше с его глазами.

Всю дорогу я не решаюсь повернуться в его сторону. Сердце стучит слишком громко, ладони скользят от пота. Мне кажется, стоит лишь ещё раз взглянуть на него — и он сразу прочтёт меня, до самой глубины. А я не готова.

Интересно, как скоро мужчина может забыть неосторожную фразу девушки? Полгода? Год? Мне кажется, Роман из тех, кто не забывает вовсе.

Как только машина останавливается у высокого кованого забора, я не выдерживаю и сразу же выскакиваю наружу, только бы вдохнуть воздуха. Судя по всему, мы сейчас на восточ-

ной окраине города, в одном из тех дорогущих коттеджных посёлков, о которых я раньше могла только мечтать или смотреть картинки в интернете. Дома здесь словно сошли с рекламных буклетов: высокие фасады, аккуратные газоны, фонтаны у ворот. Это другой мир, в котором явно нет места мне.

Получается, Роман не просто обеспеченный. Он богат. Настолько, что обычная жизнь, с маршрутками, с общежитиями и с экономией на каждой копейке, кажется здесь чем-то из параллельной реальности.

И тогда во мне просыпается вопрос: зачем ему понадобилась я? Без опыта в отношениях. Без опыта в сексе. Даже готовить толком не умею. Что я могу дать мужчине, у которого есть абсолютно всё? Может, он пошлёт меня обратно, как только поймёт, насколько я бесполезна?

Роман спокойно проходит вперёд, набирает код на массивных воротах и распахивает передо мной двери.

— Проходи. Чувствуй себя как дома.

Это шутка такая? «Как дома» — в доме, где даже ступени лестницы стоят дороже всего, что у нас есть в квартире вместе взятое. Я делаю шаг внутрь, но с каждым движением чувствую себя всё более чужой. Здесь пахнет дорогим деревом, а мне хочется спрятать руки за спину, чтобы случайно не задеть что-то и не разбить.

Роман заносит мой чемодан наверх так легко, будто он пустой. Я слышу, как открывается дверь, как ставится чемодан на пол, и через минуту он снова появляется внизу. Одним движением избавляется от куртки, бросает её на спинку стула и начинает медленно закатывать рукава рубашки.

Я не могу оторвать взгляд. Хочется совершенно по-детски закрыть глаза ладонями, оставив маленькую щёлку между пальцами, чтобы всё-таки наблюдать. У него такие мускулы, словно он не человек, а скульптура, отлитая из металла. На запястье кусочек татуировки, уходящей вверх под ткань. Вязь замысловатых линий напоминает скандинавский узор, и мне вдруг хочется узнать, что скрывается дальше, под рубашкой.

— Ю-ля, — протягивает он моё имя, словно пробует его на вкус. — Мне раздеться?

Я едва не задыхаюсь. Это шутка или проверка?

— Простите… я пойду разложу вещи, — слова слетают с губ, и я хватаюсь за перила лестницы, чтобы ускользнуть наверх.

— Стой, — его голос останавливает меня.

Замираю, не смея обернуться. Пальцы намертво сжимают дерево перил.

— Ты что, мужчин раньше не видела?

— Видела, конечно, — отвечаю слишком поспешно.

Он прищуривается, и мне кажется, что он прекрасно видит мою ложь. Я-то видела мужчин… максимум на экране ноутбука. Но ему об этом лучше не знать.

— Тогда нечего падать в обморок при виде моего тела, — он делает шаг ближе, и его взгляд прожигает кожу. — Тебе ещё предстоит рассмотреть его как следует.

Я едва сдерживаю стон смущения. Он нарочно это делает. Нарочно доводит меня до состояния, когда кровь стучит в висках, а внутри всё сжимается от противоречивых чувств.

— Ладно, — наконец произносит он и отходит в сторону. — Жду от тебя ужин. Продукты в холодильнике.

— Я… не умею готовить, — признаюсь тихо.

— Как же ты дожила до стольки лет?

Я пожимаю плечами.

— Ладно, — Роман смотрит на меня внимательно, словно решает, насколько можно доверить нож в мои руки. — Будем готовить вместе.

Я моргаю, не сразу понимая, шутит он или нет. Но он уже открывает холодильник, достаёт мясо, овощи и выкладывает всё на массивный дубовый стол. Двигается уверенно, словно делает это каждый день, и я понимаю: для него кухня — не чужое место.

— На, — он протягивает мне доску и нож. — Порежь лук.

Я берусь за нож неуверенно, пальцы дрожат. Нож острый, тяжёлый, и я больше думаю о том, как бы не порезаться, чем о самом луке.

— Тише, — Роман встаёт рядом, его ладонь ложится поверх моей, направляя движение. От его близости сердце сбивается с ритма. — Не дави так.

Я кусаю губу и киваю. Он отходит к плите, включает огонь. Пока я пытаюсь справиться с луком, он сам ловко шинкует перец, мясо, кидает всё на сковороду. Запах сразу начинает меняться: сначала лёгкий аромат поджарки, потом насыщенный, густой, от которого сводит живот.

— Посоли, — кивает он на сковороду, и я торопливо выполняю задание.

Он контролирует каждое моё движение, но сам ни на секунду не выпускает процесс из рук.

Через какое-то время аппетитный запах разносится по всей кухне. Я вдыхаю его и ловлю себя на том, что слюна наполняет рот.

— Подойди, — Роман поворачивается ко мне, поддевает лопаткой сочные кусочки овощей и протягивает прямо ко рту. — Попробуй.

Глава 6 Юлия

От овощей идёт густой пар, тёплыми клубами касающийся лица, поэтому я не решаюсь сразу попробовать. Осторожно дую на вилку, наблюдая, как капельки масла блестят на лопатке.

— Горячие, — виновато улыбаюсь, поднимая взгляд.

Зря это делаю. Встречаюсь с глазами Романа, и перехватывает дыхание. В них нет ничего, кроме откровенной жажды. Взгляд тяжёлый, прожигающий, такой прямой, что я чувствую себя пойманной. Наивная, я думала, его действительно интересует, вкусно ли у нас получилось.

Не знаю, какая муха меня кусает, но я решаю принять правила этой странной игры. Хочет смотреть, как я ем? Пусть. В общем-то, в этом нет ничего постыдного… если не учитывать, как он на это смотрит.

Я обхватываю губами горячий кусочек, прикусываю и осторожно стягиваю его с лопатки. На языке мгновенно взрываются вкусовые рецепторы: кислинка томатов, лёгкая горечь перца, сладость моркови, тёплая пряность чеснока и мягкая солёность. Сочетание оказывается таким неожиданным и насыщенным, что я прикрываю глаза, позволяя вкусу разлиться по нёбу.

— Боже… — вырывается тихий непроизвольный стон.

Я поспешно открываю глаза, смущённая, но уже поздно. Роман смотрит так, будто я только что призналась в самом сокровенном.

— Очень вкусно, — спешу добавить, пряча смущение за улыбкой.

— Я рад, — отвечает он низко, бархатно, и тут же резко отворачивается к плите, будто тоже понял, что момент затянулся. Но его плечи напряжены, и по сжатой линии челюсти я замечаю — он себя сдерживает.

— Что-то ещё нужно сделать? — голос мой чуть выше обычного.

— Нет, — коротко бросает он, не оборачиваясь. — Посиди пока. Минут через десять всё будет готово.

Я послушно усаживаюсь на барный стул, упираюсь ладонями в край столешницы и пытаюсь сосредоточиться на чём угодно, кроме его широкой спины.

Я стараюсь сидеть спокойно, но взгляд сам по себе скользит по нему, как будто у меня нет никакого выбора. Роман стоит у плиты, слегка наклонившись вперёд, и его рубашка натягивается на плечах и спине. Каждое движение подчёркивает рельеф мышц, не показных, а настоящих, выработанных годами тренировок и дисциплины.

Он тянется за сковородой, и ткань на его рукаве поднимается, оголяя сильное запястье, чуть выступающие жилы. Я вдруг понимаю, что смотрю на него так же внимательно, как он недавно смотрел на меня. И это осознание заставляет сердце забиться быстрее.

«Он идеальный», — мелькает мысль, и я тут же пытаюсь её отогнать. Нельзя. Неправильно. Но тело предательски реагирует само: в животе распускается горячая слабость, по коже бегут мурашки. Я невольно сжимаю колени, чтобы хоть как-то унять это напряжение, но от этого только становится хуже — внутри возникает странная пустота, требующая заполнения.

Роман поворачивается, и на миг наши взгляды встречаются. Я не успеваю опустить глаза. В них — всё: и голод, и обещание, и твёрдая уверенность, что он получит то, что хочет. И я вдруг ловлю себя на мысли, что часть меня этого боится до дрожи, а другая… жаждет, чтобы он подошёл ближе.

Он ничего не говорит, снова возвращается к готовке, а я остаюсь сидеть, тихо задыхаясь от собственных мыслей и ощущений. Кажется, воздух между нами становится гуще, тяжелее, и каждый вдох даётся с трудом.

Роман снимает сковороду с плиты и, не торопясь, раскладывает еду по тарелкам. Его движения удивительно спокойные, выверенные, почти ритуальные — будто сам процесс для

него имеет особое значение. Я слежу за каждым жестом, и чем дольше наблюдаю, тем сильнее в груди расползается тревожное волнение.

Он ставит передо мной тарелку. Пальцы его едва касаются моих — лёгкое, почти случайное прикосновение, но от него по коже пробегает горячая искра. Я резко втягиваю воздух и сжимаю вилку в руке, будто это способ удержаться на месте.

Роман тянется к буфету, достаёт бутылку красного вина и два бокала. Без лишних слов откупоривает пробку, и глубокий терпкий аромат заполняет кухню. Вино переливается в бокале, как жидкий рубин. Он ставит его рядом со мной, взглядом давая понять, что отказаться невозможно.

— Пробуй, — его голос низкий, чуть хрипловатый. Он садится напротив, и пространство между нами будто сжимается.

Я киваю, беру бокал обеими руками и делаю первый осторожный глоток. Тёплая кислинка вина растекается по губам и языку, обжигает горло и оставляет после себя бархатное тепло. Вкус еды, когда я возвращаюсь к тарелке, становится ещё насыщеннее, пряности раскрываются ярче. И всё же мне трудно сосредоточиться на ужине, каждый раз, когда я поднимаю глаза, Роман уже смотрит на меня. Его взгляд притягивает, как магнит.

— Очень вкусно.

Он слегка улыбается краем губ.

— Я умею заботиться о том, кто принадлежит мне.

Я напрягаюсь, уставившись на тарелку. Это слово — «принадлежит» — слишком отзывается внутри. И всё же я решаю рискнуть:

— Роман… а как надолго я здесь? Когда смогу вернуться домой?

Он не спешит отвечать.

— Ты останешься здесь, — произносит он медленно, — пока я так захочу.

Холодно от его прямоты. Не «пока безопасно», не «пока всё не уляжется». Просто пока он хочет.

— Но… — я начинаю, но он тут же перебивает:

— Не строй иллюзий, Юля. Ты уже не живёшь по своим правилам. Теперь — по моим.

Я не нахожу слов. Вилка дрожит в руках, а он спокойно ест, будто сказал что-то совершенно обыденное. И только его глаза, темнеющие при каждом взгляде на меня, выдают истинное напряжение.

Каждое моё движение он отмечает взглядом: как я подношу кусочек ко рту, как облизываю губы после вина. Это внимание душит и одновременно заводит так, что в груди становится тесно.

— Ты смотришь так, будто я твоя добыча, — не выдерживаю.

Роман откладывает вилку, медленно наклоняется вперёд. Его локти упираются в стол, и он приближается ко мне так, что я чувствую исходящее тепло.

— Так и есть.

Я застываю. Он говорит это тихо, но с такой уверенностью, что спорить бессмысленно.

Рука его тянется через столешницу, пальцы обхватывают мой подбородок и чуть поворачивают лицо к себе. Его прикосновение твёрдое, властное, но не грубое. Я замираю, не зная — оттолкнуть или позволить.

— Привыкай, воробушек, — в его голосе рокочет низкий металл. — Здесь я решаю.

Он отпускает, а я уже не могу нормально дышать. Вино горит в крови, тело предательски отзывается жаром на каждое его слово.

Роман встаёт, собирает наши тарелки и уносит их в мойку. Его движения спокойные, выверенные, но от этого только сильнее ощущается контраст: будто шторм скрыт в каждой его мышце. Он возвращается и встаёт совсем близко, так что я вынуждена поднять голову, чтобы встретиться взглядом.

— Ужин окончен, Юля. Теперь — остальное, — тихо произносит он, и в этих словах нет двусмысленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.